ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

УДК 327.56:327.7

Бапиев А.С., Толобаев М.Ш.
И.Раззаков ат. КМТУ, Бишкек, Кыргыз Республикасы
КГТУ им.И.Раззакова, Бишкек, Кыргызская Республика

A.S. Bapiev, M.H.Tolobaev
I. Razzakov KSTU, Bishkek, Kyrgyz Republic
bapievakmat@gmail.com mtolobaev.m@ail.ru

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ЖАҢЫ КОРКУНУЧТАР ЖАНА ЭЛ АРАЛЫК КООПСУЗДУК СИСТЕМАСЫ

NEW CHALLENGES AND THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM

Макала эл аралык укуктун жана эл аралык коопсуздуктун негизги принциптерин тутумдаштырат (систематизациялайт) жана чечмелейт. Экинчи дүйнөлүк согуштан кийинки мезгилдеги эл аралык мамилелердин эволюциясына жана глобалдык коопсуздуктун түзүмүнө комплекстүү талдоо жүргүзүлгөн. СССРдин кулашынын натыйжасында геосаясий мейкиндиктин деструкцияланышына (бөлүнүп-жарылышына), ошондой эле бул тарыхый окуянын азыркы коопсуздук архитектурасына тийгизген таасирин баалоого өзгөчө көңүл бурулган. Евроатлантикалык өз ара аракеттенүү контекстинде АКШнын заманбап америкалык-европалык мамилелеринин мүнөзүн аныктоочу тышкы жана тарифтик саясатынын негизги векторлору изилденген. Жакынкы Чыгыштагы куралдуу кагылышууларды талдоонун негизинде эл аралык укук ченемдерин бузуу прецеденттери аныкталып, классификацияланган. Корутундусунда БУУну институционалдык реформалоонун зарылдыгы негизделип, заманбап глобалдык чакырыктардын шарттарында эл аралык коопсуздук тутумун чыңдоонун стратегиялык багыттары сунушталган.

Ачкыч сөздөр: *эл аралык укук, эл аралык коопсуздук тутуму, эл аралык укуктун принциптери, эл аралык мамилелер, дүйнөлүк саясат, куралдуу кагылышуу, институционалдык реформалоо, коопсуздукка коркунучтар, мамлекеттик эгемендүүлүк.*

В статье систематизированы и интерпретированы основополагающие принципы международного права и международной безопасности. Проведен комплексный анализ эволюции международных отношений и структуры глобальной безопасности в послевоенный период (после Второй мировой войны). Особое внимание уделено деструкции геополитического пространства вследствие распада СССР, а также оценке влияния данного исторического события на современную архитектуру безопасности. В контексте евроатлантического взаимодействия исследованы ключевые векторы внешней и тарифной политики США, определяющие характер современных американо-европейских отношений. На основе анализа вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке выявлены и классифицированы прецеденты нарушения норм международного права. В заключении обоснована необходимость институционального реформирования ООН и предложены стратегические направления укрепления системы международной безопасности в условиях современных глобальных вызовов.

Ключевые слова: *международное право, система международной безопасности, принципы международного права, международные отношения, мировая политика, вооруженный конфликт, институциональное реформирование, угрозы безопасности, государственный суверенитет.*

The article systematizes and interprets the fundamental principles of international law and international security. A comprehensive analysis of the evolution of international relations and the global security structure in the post-WWII period is conducted. Particular attention is paid to the destruction of the geopolitical space resulting from the dissolution of the USSR, as well as to the assessment of this historical event's impact on the contemporary security architecture. In the context of Euro-Atlantic interaction, the key vectors of US foreign and tariff policies determining the nature of modern American-European relations are examined. Based on the analysis of armed conflicts in the Middle East, precedents of violations of international law norms are identified and classified. In conclusion, the necessity of institutional reform of the UN is substantiated, and strategic directions for strengthening the international security system in the face of contemporary global challenges are proposed.

Key words: *international law, international security system, principles of international law, international relations, world politics, armed conflict, institutional reform, security threats, state sovereignty.*

Введение

Современная архитектура международной безопасности сформировалась по итогам Второй мировой войны, став базисом для создания Организации Объединенных Наций (ООН), призванной играть ключевую роль в поддержании глобальной стабильности. Нормативно-правовой фундамент данной системы составили основополагающие принципы международного права, получившие свое дальнейшее развитие и закрепление в Хельсинкском Заключительном акте 1975 года. В соответствии с Уставом ООН, к числу императивных норм (jus cogens), определяющих стабильность миропорядка, относятся:

- суверенное равенство государств, постулирующее эквивалентность прав и обязанностей всех субъектов международного общения;
- добросовестное выполнение международных обязательств (pacta sunt servanda), выступающее гарантом стабильности межгосударственных соглашений;
- мирное разрешение споров, предписывающее урегулирование любых межгосударственных противоречий исключительно в дипломатическом поле;
- неприменение силы или угрозы силой, накладывающее абсолютный запрет на посягательства против политической независимости и территориальной целостности суверенных акторов;
- невмешательство во внутренние дела, исключающее любые формы внешнего давления на внутриполитические процессы государств;
- территориальная целостность и нерушимость границ, фиксирующие легитимность существующих рубежей и недопустимость насильственного отторжения территорий;
- равноправие и самоопределение народов, гарантирующие право наций на суверенный выбор модели политического, экономического и социокультурного развития.
- уважение прав человека и основных свобод, детерминирующее обязанность государств соблюдать фундаментальные гражданские и политические свободы, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, и предполагающее активное межгосударственное сотрудничество в гуманитарной сфере.

Хельсинкский Заключительный акт сыграл ключевую роль в интенсификации сотрудничества между странами. Как отмечает Р. А. Чебанян: «Хельсинкское соглашение 1975 г. позволило выявить и закрепить существующее положение дел в Европе и четко

обозначить действующие рамки мирного регулирования в отношениях между Западом и Востоком. Сама Европа на 15 лет стала стабильной и мирной (вплоть до печальных событий в Югославии в 1991 г.), а соперничество между СССР и США перешло на периферию» [1].

Данные принципы стали результатом переосмысления опыта Второй мировой войны — самого разрушительного конфликта в истории человечества, унесшего более 60 миллионов жизней. В послевоенный период ключевая роль в определении контуров нового миропорядка принадлежала державам-победительницам: США, СССР и Великобритании. По их инициативе в 1945 году была создана Организация Объединенных Наций (ООН), ставшая институциональным ядром системы международной безопасности.

Однако Фултонская речь У. Черчилля ознаменовала начало холодной войны — глобального противостояния между Востоком и Западом. Данная конфронтация закономерно привела к формированию Североатлантического альянса (НАТО) в 1949 году и, в качестве ответной меры, Организации Варшавского договора (ОВД) в 1955 году. Руководство этими военно-политическими блоками осуществляли две сверхдержавы — США и СССР.

Обсуждение

С середины XX века вплоть до 1991 года мировая система являлась биполярной, где глобальные процессы интерпретировались сквозь призму стратегических интересов двух противоборствующих полюсов. Несмотря на жесткое идеологическое противостояние, конструктивный межгосударственный диалог сохранялся на различных уровнях. Стабильность системы опиралась на паритет сил — в частности, ядерный баланс (примерно по 1600 развернутых стратегических боеголовок у каждой из сторон), выступавший мощным фактором сдерживания. При этом оба актора регулярно использовали трибуну ООН для легитимации своих внешнеполитических шагов и урегулирования межгосударственных противоречий. Основополагающие принципы международного права и сотрудничества не подвергались сомнению, а при эгиде ООН эффективно разрешались сложнейшие узлы мировой политики. Глобальная арена характеризовалась относительной стабильностью и предсказуемостью, базирующейся на консенсусе сверхдержав.

Ситуация кардинально трансформировалась после распада СССР, в результате чего США обрели статус единственной гипердержавы. Утрата прежнего баланса сил деструктивно отразилась на дееспособности ООН и иных международных институтов в сфере поддержания мира. В 1990-е годы Организация не сумела предотвратить оккупацию Кувейта Ираком и эскалацию этнополитического конфликта в Югославии. Восстановление нарушенных норм международного права и региональной стабильности потребовало значительных усилий мирового сообщества, включая применение принудительных силовых мер (под эгидой коалиций во главе с США) для освобождения Кувейта и стабилизации ситуации на Балканах.

В экспертном сообществе констатируется затяжной кризис институтов глобального управления и назревшая необходимость реформирования ООН. В связи с этим А. Ю. Ованесян подчеркивает: «В настоящее время не только специалисты-международники, но и представители неправительственных организаций выдвигают идеи коренной реформы ООН и радикального пересмотра ее Устава… На данный момент большинство государств — членов ООН поддерживают реформу Совета Безопасности, а их разногласия сводятся к вопросу о путях и методах ее осуществления» [2].

Основными направлениями модернизации Организации должны стать повышение оперативности принятия решений и создание действенных механизмов их имплементации. Особую остроту приобретает проблема низкой обязательности исполнения резолюций ООН, обусловленная дефицитом эффективного инструментария контроля. Именно на преодоление этих системных изъянов направлены актуальные инициативы Генерального секретаря ООН А. Гутерриша по реформированию институциональной структуры Организации [3].

На сегодняшний день США удерживают статус не только ведущей военной державы, но и крупнейшей экономики мира, что обусловливает их определяющее влияние на глобальные социально-экономические и политические процессы. Степень вовлеченности десятков государств в торговые и финансово-инвестиционные отношения с Вашингтоном детерминирует высокую степень их взаимозависимости.

Следует констатировать, что если в предшествующие периоды внешнеполитический курс США в целом демонстрировал приверженность базовым принципам международного права, способствуя относительной стабильности системы, то с приходом администрации Д. Трампа ландшафт мировой политики претерпел существенную дестабилизацию. Период повышенной «турбулентности» ознаменовался развертыванием масштабных «тарифных войн». Протекционистские меры новой администрации, выразившиеся в одностороннем повышении ввозных пошлин (в диапазоне от 10% до 50%), затронули широкий круг государств. Несмотря на затяжной переговорный процесс, повлекший за собой частичные уступки, данные меры деструктивно отразились на традиционных торгово-экономических партнерах США, включая Мексику, Канаду и страны Европейского союза. Подобный шаг можно охарактеризовать как проявление фискально-экономического одностороннего подхода (унилатерализма), нарушившего многолетний консенсус прежних американских администраций с ключевыми бенефициарами международной торговли. Несмотря на то, что впоследствии Верховный суд США признал данные тарифные инициативы исполнительной власти неправомерными, это не привело к полной регенерации прежнего уровня доверия в межгосударственных отношениях.

Дальнейшая эскалация напряженности переместилась в геополитическую плоскость, затронув вопрос суверенитета над Гренландией — международно признанной территорией Королевства Дания. Инициативы американского руководства по интеграции острова под предлогом обеспечения национальной безопасности США встретили жесткое дипломатическое сопротивление со стороны Копенгагена и властей самой Гренландии. Данная позиция была солидарно поддержана государствами ЕС, выступившими в защиту территориальной целостности Дании. Парадоксальность ситуации заключается в том, что данный латентный конфликт развернулся внутри единого военно-политического блока (НАТО). Данный беспрецедентный кейс требует осмысления в широком международно-правовом контексте, поскольку он затрагивает императивные принципы нерушимости границ и уважения государственного суверенитета, демонстрируя попытку ревизии территориального статуса суверенного субъекта вопреки его воле.

Официальные аргументы Вашингтона апеллировали к активизации присутствия российских и китайских военно-морских сил в арктическом регионе, что якобы формирует «угрозу с севера». Однако независимые эксперты и верифицированные данные мониторинга не подтверждают аномального роста военной активности РФ и КНР в акватории Гренландии. Очевидно, что интерес Москвы и Пекина к региону носит преимущественно экономический характер и связан с долгосрочным освоением ресурсного потенциала Арктики (в частности, запасов углеводородов и редкоземельных элементов). При этом военно-техническое присутствие США в Гренландии носит перманентный характер со времен Второй мировой войны; в рамках двусторонних соглашений 1950-х годов Дания предоставляет в аренду территорию под американские военные объекты (в частности, авиабазу Туле /Питуффик). В сложившихся условиях Копенгаген выражает готовность к пролонгации аренды и модернизации инфраструктуры в интересах Североатлантического альянса, однако категорически исключает любые формы ущемления своего суверенитета над островом. В настоящее время обсуждение данного вопроса стагнирует, а европейские члены НАТО пытаются выработать компромиссные механизмы деэскалации.

Аналитики сходятся во мнении, что трансатлантические отношения переживают глубокий институциональный кризис. На протяжении десятилетий европейские государства развивались в рамках концепции «социального государства» (Welfare State) под

американским «ядерным зонтиком», что позволяло им минимизировать оборонные расходы (в пределах 1–2% от ВВП) и перераспределять бюджетные средства в пользу социальных программ, здравоохранения и страхования, обеспечивая уровень и качество жизни населения, превосходящие аналогичные показатели в США. Требования новой американской администрации о необходимости увеличения оборонных бюджетов европейских стран до 5% от ВВП и переходе к самообеспечению в сфере безопасности знаменуют трансформацию доктрины США: переход от роли безоговорочного лидера («авангарда») к статусу одного из равноправных партнеров в контуре коллективной обороны.

Однако наиболее тектонические сдвиги произошли в аксиологической (ценностной) сфере, что вызвало наибольшую обеспокоенность европейских элит. Традиционный трансатлантический консенсус, базирующийся на общности демократических ценностей, прав человека, свободы слова и верховенства международного права, подвергается сомнению со стороны официальных лиц США. В частности, жесткая менторская критика со стороны Белого дома в адрес миграционной политики ЕС, обвинения европейских институтов в блокировании правых политических сил и нарушении свободы слова — что было отчетливо артикулировано вице-президентом США Джей Ди Вэнсом в ходе Мюнхенской конференции по безопасности 2025 года [4] — продемонстрировали глубокий ценностный раскол между союзниками.

Симптоматичным ответом на данные вызовы стало выступление канцлера Германии Ф. Мерца на последующей Мюнхенской конференции, где он подверг критике гегемонистские амбиции США как источник дестабилизации международной безопасности. Немецкий лидер обосновал необходимость формирования нового многополярного миропорядка, базирующегося на паритетных началах, взаимном уважении и доверии. В рамках данной парадигмы консолидированная и стратегически автономная Европа должна выступить архитектором обновленной системы международных отношений, опирающейся не на право силы, а на силу права [5].

В современных условиях деструкции прежних институциональных оснований миропорядка особый интерес представляет позиция премьер-министра Канады М. Карни, озвученная на Всемирном экономическом форуме в Давосе. Канадский лидер констатировал демонтаж прежней системы и призвал средние державы к консолидации для защиты национальных интересов от экспансии глобальных акторов. Согласно его оценке, «великие державы начали использовать экономическую интеграцию в качестве оружия, тарифы — в качестве рычага воздействия, финансовую инфраструктуру — в качестве средства принуждения, а цепочки поставок — в качестве уязвимых мест, которые можно использовать в своих интересах» [6].

События 28 февраля 2026 года ознаменовали вхождение международной системы в фазу критической турбулентности. Массированные авиаудары, нанесенные вооруженными силами США и Израиля по стратегическим объектам Ирана, привели в первые же часы к ликвидации высшего руководства страны, что фактически заложило основу для развертывания Третьего конфликта в Персидском заливе. В качестве официального casus belli Белый дом выдвинул тезис о необходимости купирования прямых угроз региональной и глобальной безопасности со стороны Тегерана.

Стоит отметить, что генезис американо-иранского противостояния восходит к Исламской революции 1979 года, после которой внешнеполитическая доктрина Ирана приобрела выраженный антиамериканский и антиизраильский вектор. В последующие десятилетия Иран последовательно диверсифицировал свои внешнеэкономические связи. Однако ситуация радикально обострилась в связи с развитием иранской ядерной программы и деятельностью по обогащению урана до оружейного уровня. Попытки интеграции Ирана в правовое поле Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) силами западных государств оказались неэффективными, что повлекло за собой введение жестких секторальных санкций. Дипломатические усилия, предпринимавшиеся в последнее время при посредничестве Омана, были направлены на выработку компромиссного соглашения по

ограничению ядерных разработок Тегерана. Тем не менее затяжной характер переговоров и отсутствие весомых результатов, по всей видимости, привели Вашингтон к выводу о бесперспективности мирного трека, результатом чего стало переведение конфликта в плоскость силового сценария.

Согласно официальным заявлениям Белого дома, заявленные цели военной операции носят ограниченный характер и включают ликвидацию военно-морского потенциала Ирана, его пусковых установок и арсеналов баллистических ракет, инфраструктуры по производству БПЛА, а также объектов ядерного цикла [7]. В то же время характер ударов по центрам принятия решений и правительственным институтам указывает на наличие латентной стратегической цели — форсирования транзита власти (смены режима). С позиций западной политической культуры данный подход позиционируется как рациональный инструмент демократизации, предполагающий, что после демонтажа институтов авторитаризма внутренние оппозиционные силы переформатируют государственную систему. Однако прогнозирование траектории внутриполитических процессов в условиях масштабной войны сопряжено с высокой неопределенностью. Хотя в январе 2026 года на фоне девальвации риала и ухудшения макроэкономических показателей в Иране прошли массовые социальные протесты с политическими требованиями, жестко подавленные силовым аппаратом, отсутствие легальных оппозиционных партий, структурированных движений и признанных лидеров делает исход потенциального внутреннего транзита непредсказуемым.

Исторический опыт свидетельствует о том, что инициация военных действий сопряжена с рисками их неконтролируемого затягивания. Высокая интенсивность современных вооруженных конфликтов исключает возможность точного математического моделирования всех последствий, в связи с чем неизбежно страдает гражданская инфраструктура. В зону поражения оказались вовлечены не только территории Ирана и Израиля, но и арабские государства Персидского залива, на территории которых развернуты американские военные объекты.

Макроэкономические последствия данного кризиса носят деструктивный характер: приостановка работы нефтеперерабатывающих мощностей в регионе и фактическая блокировка Ормузского пролива, через который осуществляется транзит до 20% мировых объемов нефти и сжиженного природного газа (СПГ), спровоцировали резкий рост мировых цен на энергоносители. В данных обстоятельствах европейские государства солидарно выступают за немедленную деэскалацию и возобновление дипломатического диалога. Для ЕС данный конфликт стал фактором стратегической неожиданности. Европейские лидеры заявили об отказе от прямого участия в военных операциях против Ирана, ограничив свою миссию обороной периметров собственных военных баз в регионе (в частности, суверенных баз Великобритании на Кипре).

Серьезную угрозу представляет интернационализация конфликта. Зафиксированные случаи падения иранских БПЛА на территории Турции и Азербайджана, повлекшие за собой разрушения гражданских объектов, создают объективные предпосылки для расширения географии войны. С учетом членства Анкары в НАТО и наличия двусторонних обязательств между Баку и Анкарой в сфере коллективной безопасности (Шушинская декларация), риск вовлечения новых государств существенно возрастает. Кроме того, конфликт напрямую затрагивает экономические интересы внешних акторов, глубоко интегрированных в финансовую систему арабских монархий Залива, прежде всего — Объединенных Арабских Эмиратов. Интенсивные ответные удары Ирана по инфраструктурным, туристическим и банковским объектам ОАЭ наносят прямой ущерб масштабным иностранным инвестициям и мирному населению, что вызывает глубокую обеспокоенность европейского сообщества [8].

Ключевой институциональной причиной участившихся вооруженных конфликтов выступает кризис функциональности международных организаций и, в первую очередь, ООН. Эффективность Совета Безопасности ООН в сфере поддержания глобального мира

парализована эгоистическим использованием права вето пятью постоянными членами (США, РФ, КНР, Великобританией и Францией) в тех кейсах, которые затрагивают их непосредственные геополитические интересы. На эту системную уязвимость указывают К. Власова и В. Тимченко: «Другой проблемой, вызывающей большие трудности в эффективности ООН, — это наличие права вето у пяти постоянных членов Совбеза… государства — члены Совбеза стали пользоваться своим правом вето в личных эгоистических целях, иногда полностью парализуя деятельность СБ по отдельным вопросам» [9]. Более того, даже резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, принимаемые абсолютным большинством голосов, остаются декларативными ввиду отсутствия наднациональных механизмов принудительной имплементации. Данный правовой вакуум стимулирует попытки создания альтернативных или параллельных структур глобального управления. Примером такой тенденции может служить учрежденный Д. Трампом «Совет мира», призванный аккумулировать усилия ограниченного круга лидеров государств для оперативного решения наиболее острых мировых проблем, включая урегулирование в секторе Газа [10].

Заключение

Современная система международной безопасности переживает глубочайший экзистенциальный кризис. На повестке дня стоит фундаментальный выбор вектора дальнейшего развития миропорядка: на основе силы права или на основе права силы. Несмотря на видимое доминирование силового унилатерализма, значительная часть государств мира по-прежнему ориентирована на примат международно-правовых норм. В противном случае неизбежна хаотизация системы международных отношений, экстраполирующая сценарий неосредневековья. Маловероятность реализации столь радикальной регрессии обусловлена наличием колоссального арсенала оружия массового поражения (ядерного, химического, биологического), а также высокой разрушительной способностью конвенциональных вооружений. Если цивилизационные, этические и конвенциональные регуляторы окажутся неэффективными, в силу должен вступить фундаментальный биологический закон — инстинкт коллективного самосохранения человечества. Единственной безальтернативной моделью выживания остается строгое соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, выработанных в ходе многовековой эволюции человеческой цивилизации.

Список литературы

1. Чебанян Р.А. Хельсинкский заключительный акт 1975 года: причины подписания и последствия. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 3. Часть 2. с.94.

2. Ованнисян А.Ю.Реформа Совета Безопасности ООН: основные сценарии и проблемы//Регион и мир,2018,№2,с.11,13.

3. Более эффективная ООН: Генсек представил предложения по реформе организации//Новости ООН от 15 октября 2025 г.Welcome to the United Nations https://news.un.org

4. YouTube https://www.youtube.com>vatch Мюнхенская конференция по безопасности -.2025.Прямой эфир из Германии 14.02.25.@dwrussian.

5.YouTube https//www.youtube.com>watch LIVE MSC:Мерц,Макрон и другие мировые лидеры на Мюнхенской конференции по безопасности 2026.

6. BBC https.//www.bbc.com Отдел новостей.Русская служба Би-Би-Си от 26 января 2026 г.

7. YouTube https://youtu.be/8ifr-bVPu5o?si=Ty1pl8YuXVzDSZn8.

Пресс- брифинг Белого дома от 5 марта 2026 г.

8. YouTube.Euronews по – русски Euronews.com https://ru.euronews.com
Новости дня от 2,3,5 марта 2026 г.
9. Власова К.В., Тимченко В.А.Реформа ООН и ее влияние на современную систему международных отношений//Вестник Томского государственного университета.2022.№476.с.126.
10. DW репортажи youtube.com/c/dwrussianreporter DW.com https://www.dw.com
11. Новый элитарный клуб Трампа: зачем президент у США нужен Совет мира. от 22 января 2026 г.